

УДК 340.115

*А.А. Шентали***О ПРИМЕНИМОСТИ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ
ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ ГЕНЕЗИСА ПРАВА И ГОСУДАРСТВА**

Несмотря на давность дискуссии и обилие предложенных теорий происхождения права и государства, этот комплекс вопросов по-прежнему далек от своего разрешения. Суть проблемы заключается в умозрительности большинства концепций вследствие отсутствия прямых и малочисленности косвенных источников по истории первобытного общества. Очевидно, что только применение комплексного подхода с использованием всей совокупности косвенных данных, предлагаемых гуманитарными и естественноисторическими научными дисциплинами, может вывести наши знания на новый уровень. Метод Л.-Г. Моргана, использовавшего этнологические данные для обширных исторических реконструкций первобытности, был подвергнут жесткой критике оппонентами, в первую очередь представителями культурного диффузионизма и американской школы исторической этнологии. В статье с позиций неозволюционизма показана несостоятельность одних и спорность других аргументов о невозможности применения этнологических материалов для реконструкции первобытного прошлого человечества. Обосновывается правомерность корректного применения этнологических материалов по современным первобытным (синполитейным) этносам для реконструкции процесса возникновения права и потестарных структур в древних первобытных (аполитейных) обществах. Правоведам и историкам первобытности предлагается активнее использовать наиболее ранние этнологические материалы путешественников и миссионеров, зафиксировавших в изолированных синполитейных обществах отношения, не успевшие трансформироваться в результате влияния цивилизации.

Ключевые слова: синполитейные и аполитейные первобытные общества, генезис цивилизации, генезис права и государства, эволюционизм, неозволюционизм, политогенез, потестарные структуры.

Комплекс проблем, связанных с генезисом права и государства, всегда был и остается одним из наименее изученных, а следовательно, наиболее актуальных в юридической науке. При этом различные аспекты истоков генезиса этих двух социокультурных феноменов, их становления и последующего развития перманентно, в том числе и сегодня, находятся в фокусе исследовательского внимания как юристов, так и историков, этнологов, философов, социологов и др. (см. напр.: [1; 14; 17; 18]).

Согласно широко распространенному в отечественной и зарубежной историографии мнению, наилучшим образом отраженному в марксистской концепции, возникновение государства и права напрямую связано с переходом человечества от доклассового (первобытнообщинного, родового, племенного, примитивного, доисторического и т.п.) общества к обществу классовому (цивилизованному, культурному, политическому, государственному, историческому и т.п.), что достаточно подробно отражено в известном труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [19. С. 71-81]. Относительно признаков достижения обществом цивилизационно-государственной черты существуют различные мнения, но первым, кто обосновал в качестве ключевого критерия цивилизации возникновение письменности, со всеми вытекающими отсюда последствиями, был выдающийся представитель эволюционизма – американский юрист-антрополог Л.-Г. Морган [13. С. 10]. Пожалуй, наиболее обоснованно и аргументированно критерии зарождения цивилизации выглядят в теории «городской революции» выдающегося археолога и антрополога Г. Чайлда [23. Р. 3-17], но, по сути своей, эта теория основана на концепции Л.-Г. Моргана с добавлением элементов марксизма.

Устоявшееся в процессе длительных дискуссий предположение о том, что письменность, государство и право возникают хронологически примерно в одно время, на начальном этапе цивилизации, и формируются параллельно, приводит к выводу, что памятники, созданные на основе относительно развитых письменных систем, например клинописи Аккадского периода (XXIV–XXII вв. до н.э.), сообщают уже об относительно развитых государстве и праве. Таким образом, не только период зарождения, но и наиболее ранние периоды становления и развития государства и права в принципе не могут быть исследованы посредством письменных исторических источников.

Вполне логично, что в условиях отсутствия или недостатка прямых источников необходимо использовать всю совокупность косвенных данных, предлагаемых такими гуманитарными и естественноисторическими научными дисциплинами, как археология, палеоклиматология, палеогеография, палеозоология, палеоботаника, палеолингвистика, социальная и культурная антропология и, безус-

ловно, этнология. Применительно к вопросам генезиса права и государства наибольшим эвристическим потенциалом обладает, пожалуй, юридическая антропология, материалы которой способны закрыть многие лакуны. Важно в этом случае избежать типичных ошибок отцов-антропологов и корректно экстраполировать современные этнологические данные на события многотысячелетней давности, не отождествляя напрямую синполитейные и апополитейные общества, то есть современные первобытные этносы с племенами минувших эпох мезолита, неолита и бронзы.

Метод Л.-Г. Моргана, активно использовавшего этнологический материал в попытках реконструкции картины далекого прошлого, был поддержан одним из классиков марксистской концепции – Ф. Энгельсом, вследствие чего был назван в советской историографии методом Моргана – Энгельса [6. С. 99]. Закономерно, что в СССР критика этого метода если и имела место, то, по идеологическим причинам, лишь в самом мягком варианте [2. С. 27-28]. И наоборот, в зарубежной науке с критикой концепции однолинейной эволюции выступали многие видные ученые – Ф. Ратцель, Ф. Гребнер, Л. Фробениус, Ф. Боас, Э. Смит, Р. Лоуи, В. Шмидт, Б. Малиновский и др. Примечательно, что основными оппонентами выступают, как правило, антропологи, этнологи и культурологи, хотя и со стороны правоведов также иногда доносится критика в адрес историков первобытности и этнологов [8. С. 231-232].

Основные аргументы многочисленных «антиэволюционистов», предложивших альтернативные концепции, отрицающие или ставящее под сомнение возможность применения этнологических материалов для реконструкции социокультурных процессов в древности, в том числе формирования классов, государства и права, можно сформулировать в нескольких тезисах.

1. С позиций исторического партикуляризма и культурного плюрализма каждая цивилизация развивалась по особому алгоритму, вследствие чего и приобрела свои характерные специфические черты. По мнению основателя американской школы исторической этнологии Ф. Боаса, «... коль скоро мы допускаем совершенно разные и притом сосуществующие типы цивилизации, ясно, что гипотеза о единой всеобщей линии развития теряет почву» [4. С. 520]. Иными словами, папуасский, индейский или эскимосский этнологический материал не приемлем для воссоздания даже примерного хода генезиса, например, ближневосточной или европейской цивилизаций.

2. Современные первобытные этносы не репрезентативны, так как они своего рода «неудачники», отставшие от «локомотива» цивилизации.

3. Современные первобытные этносы отнюдь не замерли на ранних стадиях, они тоже эволюционируют, но, очевидно, имеют иные темпы и, вероятно, иные направления социокультурного развития.

4. Современные первобытные этносы живут в иных природно-климатических условиях, нежели племена эпох мезолита (12–6 тыс. до н.э.) и неолита (8–4 тыс. до н.э.), следовательно, социально-экономические процессы у них протекают, скорее всего, существенно иначе.

5. Современные первобытные этносы живут на периферии ойкумены, в иных природно-географических нишах, нежели народы, создававшие ранние цивилизации, что накладывает существенные отличия на все аспекты их социокультурного развития.

6. Все современные первобытные этносы в той или иной степени затронуты влиянием цивилизации, что в принципе ставит под сомнение «чистоту» и достоверность этнологических материалов.

Безусловно, есть и иные доводы, но здесь приведены, пожалуй, наиболее устойчивые и распространенные. Цель данной статьи заключается в попытке их опровержения и обоснования роли этнологических материалов в качестве ключевых при использовании комплексного подхода в вопросах реконструкции наиболее ранних этапов процесса генезиса права и государства.

1. Пожалуй, первый существенный вопрос, который требует разъяснения, – методологический. Сторонники партикулярного и цивилизационного подхода считают, что каждая цивилизация не просто имеет свою специфику, но индивидуальна и уникальна. При этом чаще всего доказательственная база основывается не столько на обосновании принципиальной несхожести разных цивилизаций, сколько на критике слабых сторон эволюционно-стадиального подхода и подмене понятий, в том числе и методологических, что наглядно продемонстрировал в своих работах «отец» культурологии и один из основателей неэволюционизма, антрополог Л. Уайт (см. напр.: [15. С. 505-522]).

Бесспорно, эволюционно-стадиальный подход изобилует нестыковками, но практически все они связаны со стадиями, следующими за первобытной (общинно-родовой). Отдельные цивилизации действительно существенно различаются, но эти различия – результат исторического развития самих цивилизаций. В доцивилизационный (первобытный) период различия между этносами ойкумены были минимальны, что многократно подтверждается обширным археологическим материалом. А ведь нас, применительно к генезису права и государства, интересует именно позднепервобытный период.

Этнографический материал показывает удивительное типологическое сходство этносов, живущих зачастую в противоположных концах ойкумены в совершенно различных природно-климатических нишах. Это сходство, признаваемое, в том числе, и противниками эволюционизма [З. С. 509-510], прослеживается во многих производственно-хозяйственных (типы и способы жизнеобеспечения), материальных (типы жилищ, орудий труда и охоты, технологии их изготовления), духовно-религиозных (тотемно-анимистические и неолитические культы, мораль и система табу) и соционормативных (община, род, общественный и семейный быт, обычное право) аспектах. Основатель Берлинского этнографического музея, выдающийся немецкий путешественник и этнолог XIX в. А. Бастиан под влиянием этих фактов даже предложил концепцию общности «элементарных» идей, то есть схожести эволюции мышления у разных народов (см. подр.: [22]). И нет оснований для сомнения в том, что в первобытности это сходство во всех отношениях было ещё более существенным, поскольку сама ойкумена была гораздо компактнее.

Анализ этнографических материалов давно приводил ученых к мысли о стадийности периодизации их этнокультурного развития даже в первобытный период, что и было предложено в свое время А. Фергюсоном [16], подхвачено и развито Л.-Г. Морганом [13], дополнено Ф. Энгельсом [19].

Это позволяет условно группировать первобытные этносы в определенной последовательности по степени их хозяйственно-культурного развития – от наиболее отсталых охотничье-собираТЕЛЬСКИХ, раннеродовых, мезолитических племен до земледельческо-скотоводческих племенных союзов, находящихся на стадии разложения родовой общины, нормативного закрепления частной собственности и социальной дифференциации, а также формирования зачатков государства.

Сравнительно-сопоставительный анализ этнографических материалов по современным первобытным этносам, прежде всего, анализ общих и особенных черт в сложении и функционировании общины и рода у разных племен, их общественного и семейного быта, а также иных социокультурных институтов, в том числе и соционормативных регуляторов, наглядно свидетельствует о наличии в первобытности общего магистрального пути, относительная вариативность которого стала усиливаться после неолитической революции, а широкие ответвления – лишь после достижения черты классового общества. Иными словами, если принять плоды условного дерева за отдельные сложившиеся цивилизации, а ветви за особые пути, по которым эти цивилизации развивались и формировались в постпервобытный период, то изначально общим, универсальным, для всех них будет ствол, под которым и следует понимать магистральный путь как период доклассового общества. Заметим, что речь в данном случае идет не о полном единообразии и сходстве первобытных этнических обществ на магистральном пути, а о том, что эти различия не следует гиперболизировать. На это обстоятельство указывал и сам Л. Уайт, и другой авторитетный представитель неозволюционизма – Л. Стюарт, ответивший на критику диффузионистов теорией мультилинейного культурного развития (см. подр.: [33]).

Таким образом, благодаря трудам неозволюционистов мы видим, что многообразие и вариативность форм отнюдь не отрицает самой идеи магистрального пути, по крайней мере – до достижения определенной стадии социально-экономического развития. Следовательно, этнологический материал по доклассовым обществам при корректном использовании вполне может быть использован для восполнения пробела в наших знаниях как о дописьменном периоде истории цивилизованных народов в целом, так и о генезисе права и государства в частности.

2. Ответ на второй аргумент непосредственно связан с первым. Зачатки права и государства следует искать в позднепервобытном периоде, когда дисбаланс между условными «лидерами» и «аутсайдерами» был настолько несущественным, что они легко могли поменяться местами. Например, мощный производственно-технологический прорыв в Передней Азии в VIII – VI вв. до н.э., широко известный как «неолитическая революция», был связан с тем, что местные племена в мезолите оказались в крайне бедственном положении из-за невозможности прокормить себя традиционными охотой и собирательством. В то же время индейские племена Северо-Запада Америки (тлинкиты, нутка, хайда, селиш, квакиютль и др.), достигшие высшего уровня специализированного присваивающего хозяйства, имущественной и социальной дифференциации, знавшие рабство, торговлю и развитую потестарную организацию, так и не перешагнули цивилизационной черты.

Таким образом, взгляд на современные первобытные народы как на «неудачников», отставших от «локомотива» цивилизации, констатирует лишь сегодняшнюю ситуацию и не отражает в должной мере положения вещей, имевшего место в период сложения древних цивилизаций.

3. Третий аргумент, направленный на опровержение возможности применения этнологических материалов для реконструкции правогенеза, классогенеза и государствогенеза, как упоминалось выше, связан с идеей, что современные первобытные племена отнюдь не замерли в своем развитии, а эволюционировали и, вполне возможно, в ином этнокультурном направлении. Вероятно, что это действительно так, но также очевидно, что большинство этносов развивались и развиваются с разной степенью интенсивности. Часть современных первобытных этносов эволюционирует настолько медленными темпами, что практически никак не изменилась за последние несколько тысяч лет. По свидетельству археолога Ф. Маккарти на протяжении 6 тыс. лет до прихода европейцев образ жизни и материальная культура ряда племен аборигенов Австралии не претерпели сколь-нибудь значительных изменений [28. Р. 234]. А поскольку уровень развития материальной культуры находится в определенном соответствии с уровнем развития нормативной и духовной культуры, общественным и семейным бытом, что общеизвестно, то, мы можем предполагать, что изменение этих и иных подобных институтов если и имело место, то в весьма незначительных размерах.

Кроме того, здесь важно также отметить любопытный феномен замедленного темпоритма социально-экономической жизни у первобытных племен, что не в последнюю очередь связано с их стремлением к гармонии и балансу с окружающей природой. Подобный эволюционный образ жизни, предполагающий брать от природы лишь столько, сколько нужно для выживания на каждый конкретный день, делала жизнь первобытных коллективов практически неизменной на протяжении многих-многих поколений. Не удивительно поэтому, что человечество львиную долю своей истории прожило в условиях первобытности.

Кроме того, сохранению многотысячелетних традиций в практически неизменном виде способствовал имманентно присущий первобытным народам родоплеменной консерватизм, стоявший на страже «заветов предков». Пример таких неолитических народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, как чукчи, коряки, ительмены, эскимосы, алеуты, юкагиры, нганасаны, ненцы, эвенки, селькупы и др. наглядно показывает, что они, испытывая в советский период всестороннее мощное инновационное влияние, длительное время сохраняли традиционный уклад и образ жизни. В данном случае можно говорить, что эти доклассовые общества с легкостью заимствовали и перенимали лишь те элементы культуры и быта, которые не противоречили их традиционному укладу (железные ножи и топоры, огнестрельное оружие, моторные лодки и т.п.), и в значительной мере противились тем элементам, которые вступали с ним в противоречие (государственная система управления и правового регулирования, колхозы и совхозы, школы-интернаты и т.п.). Этот консерватизм выражен тем сильнее, чем более низкую ступень социально-экономического развития занимает тот или иной этнос.

Таким образом, как мы видим, нет серьезных оснований для утверждений, что современные первобытные народы не годятся для реконструкции картины далекого прошлого, поскольку якобы существенно эволюционировали в социокультурном отношении за последние несколько тысяч лет.

4. Не вполне убедительным выглядит и аргумент о несоответствии характера социально-экономических процессов у первобытных этносов в древности и в современности вследствие различия природно-климатических условий. Действительно, человечество много раз переживало существенное изменение климата, в том числе *дриасовое похолодание* в конце верхнего палеолита (около 12–13 тыс. лет назад), что имело определяющие последствия для процесса социокультурогенеза в мезолите. Однако данные палеоклиматологии свидетельствуют, что пришедшая 12 тыс. лет назад на смену *последней ледниковой эпохе* (известной также как *вюрмское* или *висленское оледенение*) эпоха *голоцена*, несмотря на некоторые температурные колебания, в последние 10 тыс. лет климатически остается относительно стабильной [9. С. 201–202]. В этом контексте несколько выделяются средние условия наиболее теплого периода голоцена – *атлантического оптимума* 8–4 тыс. до н.э., вероятно, оказавшего решающее влияние на появление производящего хозяйства. Температуры этого периода были выше современных на 1–3°C, а влажность превышала современную в 1,5–4 раза [24. Р. 161; 21. С. 202–206]. То есть климатические условия субтропического пояса, где как раз и возникли в 4–3 тыс. до н.э. первые цивилизации, были близки к условиям тропического пояса, в условиях которого вот уже несколько тысяч лет живет подавляющее большинство современных первобытных племен. Как мы можем судить по хронологии, атлантический оптимум мог оказать прямое позитивное влияние лишь на месопотамскую, египетскую, а также, возможно, индскую цивилизации (Хараппа и Мохенджо-Даро), в то время как большинство других цивилизаций возникло гораздо позже. Таким образом, нет достаточных оснований для утверждения о существенных климатических различиях эпохи бронзы, когда возникали ранние цивилизации, и современности.

5. Аргумент о том, что современные первобытные этносы живут на периферии ойкумены, в иных природно-географических нишах, апеллирует, прежде всего, к народам, создававшим ранние цивилизации в долинах таких великих рек, как Нил, Тигр, Ефрат, Инд и Хуанхэ. Однако эти народы являются скорее исключением, чем правилом, что наглядно продемонстрировала продолжительная дискуссия о так называемом азиатском способе производства, развернувшаяся еще в XIX в. Как известно, большинство народов, перешагнувших цивилизационную черту, отнюдь не проживало в долинах илоносных рек и не занималось ирригационным земледелием. Более того, наиболее древние города, население которых перешло к производящему хозяйству, хотя и находились на Ближнем Востоке, но были расположены вдалеке не только от названных выше, но и от крупных рек вообще [11. С. 117-120].

Следует, конечно, признать, что природно-географическая ниша всегда оказывала заметное влияние на темпы, направления и региональную специфику социокультурного развития всех племен и народов, которая между тем отнюдь не подразумевает принципиального отличия. Сравнительно-сопоставительный анализ ранних ближневосточных цивилизаций с иными, например, далекими в пространственном отношении цивилизациями Америки и Китая, показывает, что отличия характерны в большей степени для хозяйственно-культурной сферы, в то время как типологическое сходство в социально-политической сфере достаточно очевидно (см. подр.: [32. Р. 1-27]). Таким образом, при всей высокой значимости природно-географического фактора его роль также не следует преувеличивать.

6. Не следует гиперболизировать и аргумент о нерепрезентативности этнологических материалов вследствие прямого и опосредованного воздействия цивилизации на современные первобытные этносы. Безусловно, далеко не весь полевой этнографический материал объективно применим для выяснения вопросов нормо-, право- и классогенеза в первобытном обществе. С учетом нараставшего иноэтнокультурного воздействия, которому с разной степенью интенсивности подверглись после «открытия» синполитейные первобытные племена, особый интерес представляют наиболее ранние материалы, зафиксировавшие отношения, не успевшие трансформироваться в результате влияния извне. В качестве яркого примера исследователей-первопроходцев, годами живших среди изучаемых народов и использовавших метод включенного наблюдения в числе прочего и для описания их обычаев и норм поведения, можно отметить работы миссионера М. Гусинде [25-27], знаменитых ученых и путешественников С.П. Крашенинникова [10] и Н.Н. Миклухо-Маклая [12], видных ссыльных этнографов В.И. Иохельсона [7] и В.Г. Богораза [5], выдающихся антропологов А.Р. Рэдклифф-Брауна [31], Б. Малиновского [29], Л. Поспишила [30] и многих других.

Около сотни племен, живущих в Амазонии, Австралии, Юго-Восточной Азии, Меланезии и Экваториальной Африке, сознательно сводят к минимуму или вообще уходят от контактов с внешним миром, твердо оберегая от вторжения и перемен свои традиции и образ жизни. Можно сказать, что они сохранили свой первобытный уклад во многом из-за своей выраженной самоизоляции. По этой причине они до сих пор остаются плохо изученными и, надо полагать, подробное их исследование со временем может дать ответы на многие вопросы, в том числе связанные с генезисом и развитием соционормативного регулирования, обычного права и потестарных структур.

Что касается чистоты и достоверности этнографических материалов, то следует отметить, что в науке давно разработана и широко апробирована методика реконструкции доконтактного состояния первобытных культур [20], однако это тема заслуживает отдельного разговора.

Подводя некоторые итоги проведенного краткого анализа, можно выделить ряд ключевых моментов:

- поскольку наиболее ранние периоды становления и развития государства и права в принципе не могут быть исследованы посредством письменных исторических источников, необходим комплексный кроссдисциплинарный подход с использованием всей совокупности косвенных данных, предлагаемых гуманитарными и естественноисторическими научными дисциплинами, с решающей ролью этнологических материалов;

- сегодня нет достаточных оснований для утверждений о принципиальной невозможности историко-культурного сопоставления синполитейных и апополитейных первобытных обществ;

- несмотря на многочисленные локальные особенности, связанные с природно-географическим фактором, для доклассового развития в соционормативной и потестарной сфере синполитейных первобытных этносов в значительной мере характерен общий, магистральный путь, что позволяет предполагать подобное развитие и для доклассовых обществ эпох мезолита, неолита и бронзы;

– в доклассово-доцивилизационный период сходство многих социокультурных, в том числе и соционормативных, аспектов функционирования первобытных этносов было более существенным, что позволяет рассматривать синполитейные этносы в качестве примерной модели политогенеза и формирования потестарных структур в апополитейных обществах;

– этнологическая наука располагает уникальными материалами по первобытным народам, где зафиксированы многие аспекты соционормативных отношений, практически не затронутых влиянием цивилизации.

Таким образом, этнологический материал по современным доклассовым обществам при корректном использовании вполне может быть применим для восполнения пробела в наших знаниях как о дописьменном периоде истории цивилизованных народов в целом, так и о генезисе права и государства в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азизова П.М., Мухтаров М.Г. Становления права: исторический подход // Евразийский юридический журнал. 2015. №7. С. 133-134.
2. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М., 1990. 351 с.
3. Боас Ф. Границы сравнительного метода в антропологии // Антология исследований культуры Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. 728 с.
4. Боас Ф. Методы этнологии // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. 728 с.
5. Богораз-Тан В.Г. Чукчи / авториз. пер. с англ. Л.: Ин-т народов Севера ЦИК СССР, 1934.
6. Бутинов Н.А. Первобытнообщинный строй (Основные этапы и локальные варианты) // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. 692 с.
7. Иохельсон В.И. Коряки. СПб., 1997. 238 с.
8. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права: учеб. пос. М.: Высш. шк., 2008. 358 с.
9. Кислов А.В. Климат в прошлом, настоящем и будущем. М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2001. 351 с.
10. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.;Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949.
11. Массон В.М. Поселение Джейтун: Проблема становления производящей экономики. Л.: Наука. 1971. 208 с.
12. Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений: в 5 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
13. Морган Л.-Г. Древнее общество. Л.: Изд-во народов севера, 1935. 350 с.
14. Сухолинский П.Р. Право в догосударственных социальных системах: автореф. дис. ...канд.юр. наук. М., 2013. 30 с.
15. Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 640 с.
16. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН, 2000. 391 с.
17. Шалютин Б.С. Правогенез как фактор становления общества и человека // Вопросы философии. М., 2011. №11. С. 14-26.
18. Шепталин А.А. Институционально-правовая трансформация соционормативного регулирования в родовой общине: предправо и обычное право // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2015. Вып. 4. С. 154-162.
19. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. М.: Политиздат, 1986. Т. 3. С. 1-81.
20. Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М.: Наука, 1979. 168 с.
21. Ясаманов Н.А. Древние климаты Земли. Л.: Гидрометеоздат, 1985. 296 с.
22. Bastian A. Ethnische Elementargedanken in der Lehre vom Menschen. 1 Abt. Berlin, 1895.
23. Childe V.G. The Urban Revolution // Town Planning Review. Vol. 21, № 1. P. 3-17.
24. Gouge A. Environmental change. Oxford University Press, 1992.
25. Gusinde M. Die Feuerland-Indianer. Bd.1-2. Mödling bei Wien, 1931–1937.
26. Gusinde M. Die Kongo-Pygmäen in Geschichte und Gegenwart. Halle, 1942.
27. Gusinde M. Von gelben und schwarzen Buschmännern. Graz, 1966.
28. Maccarthy F.D. The prehistory of Australian aborigines // Australian Natural History. Vol.XIV. 1963. № 8.
29. Malinowsky B. Crime and Custom in Savage Society. New York, 1926.
30. Pospisil L. Kapauku Papuans and Their Law. New Haven, 1958.
31. Radcliff-Brown A. R. Structure and Function in Primitive Society. London, 1952.
32. Steward J. Cultural Causality and Law: A Trial Formulation of the Development of Early Civilizations American Anthropologist. 1949. Vol. 51. January-March. P. 1-27.
33. Steward J. Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution. University of Illinois Press, 1972.

*A.A. Sheptalin***ON THE APPLICABILITY OF ETHNOLOGICAL MATERIALS
FOR RECONSTRUCTION OF THE GENESIS OF THE LAW AND STATE**

Despite the long discussion and a lot of theories of the origin of Law and the State, this complex of issues is still far from being resolved. The root of the problem lies in the unprovability of most theories due to the lack of direct and scarcity of indirect sources on the history of primitive society. It is clear that only an integrated approach with the use of the totality of circumstantial evidence offered by humanitarian and natural-scientific disciplines can bring our knowledge to a new level. The method of L.-G. Morgan, who used ethnological data for the extensive historical reconstructions of the primitive, was severely criticized by opponents, primarily by the representatives of cultural diffusionism and American School of historical Ethnology. From the standpoint of Neo-Evolutionism the author of the article discloses weakness and insolvency of arguments about the impossibility of the use of ethnological materials for the reconstruction of the prehistoric past of mankind. The article proves the possibility of the correct application of ethnologic materials about modern tribal societies (synpolitical) for the reconstruction of the origin of the Law and Potestarian Structures in the ancient primitive societies (apopolitical). It is proposed to the jurists, historians and other researchers of the primitive society to actively use the earliest ethnological materials of the travelers and missionaries, who established among isolated tribes the social relationships, untouched by the influence of civilization.

Ключевые слова: synpolitic and apopolitic primitive societies, genesis of civilization, genesis of the Law and State, Evolutionism, Neo-Evolutionism, politogenesis, potestarian structure.

Шепталин Алексей Александрович,
кандидат исторических наук, доцент, директор
Ижевский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
426057, Россия, г. Ижевск, ул. Красногеройская, 18
E-mail: sheptalin@list.ru

Sheptalin A.A.,
Candidate of History, Associate Professor, Director
Izhevsk branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Krasnogeroyevskaya st., 18, Izhevsk, Russia, 426057
E-mail: sheptalin@list.ru